Электронное приложение к журналу «Международная жизнь»

Молодежный круглый стол

«Кризис идей развития: тупик или распутье»

14 апреля 2014 года

«Кризис идей развития: тупик или распутье»

В редакции журнала «Международная жизнь» прошел молодежный круглый стол на тему: «Кризис идей развития: тупик или распутье». Молодые ученые, аспиранты факультетов философии, истории, культурологии, политологии РАН вместе с главным редактором журнала Арменом Оганесяном обсудили важные и актуальные вопросы, связанные с кризисом идей.

Модератор – Армен Оганесян, Главный редактор журнала «Международная жизнь»

Участники:

Антонова Елизавета – аспирантка, Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук (ГАУГН), факультет философии

Ахтамзян Амир – аспирант, Московский Государственный Университет Культуры и Искусства (МГУКИ), факультет истории культуры и музееведения

Ахтамзян Нурлан – аспирант ГАУГН, факультет истории

Дробышев Максим - аспирант ГАУГН, факультет истории

Кулагин Игорь – аспирант ГАУГН, факультет философии

Мишурин Александр – аспирант Института Философии РАН, факультет политологии

Орешкин Антон - аспирант ГАУГН, факультет философии

Заседание 1

Часть 1

Модератор: Когда все у человека есть, он думает, что жизнь такая вся горизонтальная-горизонтальная, и, в общем, чего тут особо переживать. Вот, когда он понимает, что какие-то пружины начинают трещать, скрежетать, издавать всякие звуки и бить по нему, он начинает рефлексировать

сам и обращаться к тем людям, профессия которых, если так можно выразиться, думать. Поэтому, давайте попытаемся себе ответить на вопрос: насколько сейчас действительно кризис, связанный с экзистенцией, и насколько этот кризис идей серьезен применительно к нашему текущему моменту. Я очень люблю высказывание Егора Кузьмича Лигачева: «Наступила идеологическая растерянность». Так вот, современная идеологическая растерянность: с чем она связана, в чем ее природа, и главное, что в ней больше экзистенции или кризиса идеологии? Давайте начнем. Пожалуйста.

Антон: Если обратиться к недавней истории нашей страны, допустим, вспомнить 90-е годы и сравнить нынешний кризис относительно того кризиса, то надо сказать, что кризис был явно «кризисом жизни», но тогда был явный проект, была явная идея, которая двигала умами людей, это демократический выбор. Нынешний же кризис, мне кажется, это кризис отсутствия проектов будущего. Я имею в виду сейчас не экономический аспект, там есть свои какие-то предположения, есть свои прогнозы, которые публикуются в журналах специалистами и т.д. Это кризис на уровне массового сознания, когда нет в культуре вообще отрефлексированной какой-либо идеи, к которой можно было бы стремиться, которая бы не дискредитировала себя. То есть в настоящее время есть масса идей и различных разрозненных групп людей, которые своим идеям следуют, но при этом, так или иначе, они находятся в некотором конфликте между собой, потому что каждая из этих идей уже себя исторически дискредитировала, а новой

какой-либо позитивной тенденции нет. Есть некоторые новые идеи, центральная из которых состоит в будущее человечества ЧТО TOM, должно быть ориентировано на глобальный экопроект, но она тоже во многом консервативная, непрогрессивная идея. Философия науки и техники явно сейчас не поспевает за самой наукой, которая, как известно, себя не может осмыслить. Наука получает экономическую подпитку и не может остановиться в аспекте контроля над прогрессом технологий, а философия уже не может её сдержать, так как идейно ей проигрывает и не может предложить реальных альтернатив. Таким образом, идеи прогрессистов находятся в резком конфликте с идеями экологов в настоящий момент, и прежде всего эко-Когда номически. некоторые аналитики говорят людям от науки о том, что стоит остановиться, стоит как-то переосмыслить ценности, приводятся в пример какие-то важные кризисы XX века, возможность техногенных катастроф и все прочее, это все равно каким-то образом обходится стороной. Таким образом, целый пласт философии игнорируется, и это важный идеологический кризис современности, как мне это видится.

Modepamop: А какой пласт игнорируется, если вы его идентифицируете?

Антион: Игнорируется интеграция философии в культуру и техниче-

ское развитие, не видится угроза неконтролируемого технического развития. По крайней мере, на уровне, может быть, индивидуального сознания это все понятно. Но каких-то массовых действий, которые могли бы быть движущей силой для построения проекта будущего, похоже, нет. И поэтому экологические тенденции, наоборот, выглядят консервативными и безжизненными. И в этом мне видится какой-то мощный разлом того, что люди вообще, в общем-то, перестали прислушиваться к настоящему, к идеям, к проблемам, которые могут в настоящем быть, они до сих пор следуют за идеями, которые, в общем-то, изжили себя, не являются актуальными. И если какие-то отдельные специалисты, аналитики, люди культуры и шоу-бизнеса обращают на это внимание, то на уровне массового сознания нет проекта будущего.

Модератор: Спасибо. Очень интересно. Давайте продолжим это. Пожалуйста, Максим.

Максим: Если говорить про кризис жизни, я историк, я могу сделать не-

который экскурс в историю. Да, у нас есть пример, который нам может быть интересен. Он анализирует и кризис жизни в какой-то степени и перерастает потом в кризис идей. Но мне кажется, что этот пример всем вам лично знакомый - это крестовые походы. Они начались в конце XI века. Первый крестовый поход это 1096-1099 гг. И в принципе суть похода, если говорить про политическую, то это была борьба папства и правителей некоторых государств, а также это в какой-то степени был ответ на небольшой демографический рост в Европе, и нужно было некоторое население, просто сказать, туда как-то перетащить. Придумали, разумеется, идеологическое обоснование, это какое - это возвращение земель, потерянных от неверных, от мусульман. В ходе первых трех походов, они прошли относительно успешно, были основаны латинские государства на Ближнем Востоке. Однако, с четвертого крестового похода, у нас намечается уже кризис самой идеи крестового похода, это отмечают все историки, как отечественные, так и зарубежные (если говорить про российских, то тут характерным примером являются труды Михаила Абрамовича Заборова). И после четвертого крестового похода мы, разумеется, можем видеть достаточно массивное количество крестовых походов, их всего было около 8, а некоторые историки даже насчитывают и 9, но их характер уже был локальным, то есть не глобальным, как объединение рыцарей основных европейских государств. И они уже были организованы против языческих племен типа прусов, некоторые были против турок, уже в связи с захватом Византийской империи. Мне кажется, этот пример тоже интересен.

Модератор: Но Вам не кажется, что кризис идей начинается уже с коллапса, с детского похода? На самом деле, мне кажется, это тоже проблема, мол упускаем некоторые очень важные такие индикаторы что ли вот этого сползания в кризис какой-то идеи, явления, движения. Уже крестовый поход трудно представить как просто идею, это порыв, состояние души и прочее, а оно проходит через какие-то моменты событийные или контридеологические, как, например, Папа действительно возмутился крестовым походом: «Чего вы творите, христиане?»

Максим: На самом деле, первый крестовый поход был спровоцирован Мануилом Комниным.

Модератор: Да, это тоже товарищ был занятный: «Помогите, и мы вам поможем». Но это действительно очень интересно, замечательно. Я вспоминаю об этих тафурах, которые занимались каннибализмом, такие жестокие, они ели людей, но они были передовым отрядом крестоносцев, они Антиохию, например, взяли благодаря тафурам в основном, по-

тому что просто они были повернутые, им ничего не надо было, ни золота, ничего, такие янычары от христианства. Как они себя вели это, конечно, что-то страшное. Поэтому через такие вехи, конечно, проходят эти кризисы. И это интересно было бы посмотреть, как мир доходит до кризиса через такие поведенческие, с одной стороны моменты, какие-то идеологически противоправные противоречия. Но я очень признателен вам. Вообще интересна история Византии, конечно, поскольку читаешь иногда, и это как история Израиля, например, библейская. Государство сакральное, то, что с ним происходило, во многом определялось, в общем, такими совершенно непонятными планами, уходящими в другую реальность. Поэтому для всех притягательна Византия, конечно. Потому что, чем они там занимались - они там только спорили о богословии, когда на улицах там диспуты, монофизисты и прочие-прочие, и люди вкладывали в это всю душу. Но это было такое не демократическое, кстати, дарство, я считаю, оно такое христиански идеологическое и в большом таком концентрированном виде. Спасибо, это очень интересно. Кстати, давайте пойдем дальше. Можно вопрос? Максим, ты же вроде назвал причины крестовых походов. Разве походы не закончились, потому что задачи были выполнены? Людей стало поменьше, папство решило...

Максим: Отчасти это правда.

Modepamop: Тогда как же можно го- **Максим:** Это какой год? ворить о кризисе?

Максим: Я имел в виду кризис уже четвертого крестового похода, когда поход против неверных, можно сказать. пропал. Я имею в виду, была создана идеологема, что есть военный поход именно против неверных потенциальных врагов. А четвертый крестовый поход он открыл всю политическую сущность уже таких других...

Модератор: И потом не все цели были достигнуты все же.

Максим: Да. Тем более, все же государства крестоносцев, я имею в виду, которые были на территории.

Модератор: Они разрушены.

Максим: Да, они же были...

Александр: Нет, когда ты говорил о причинах, ты назвал, насколько я помню, две.

Максим: Основополагающие да.

Александр: Так какая разница против кого поход, если причин-то две, если та истинная цель, которая походом достигается, она достигнута, какая разница, как мы оправдываем поход?

Максим: Тут все-таки, мне кажется, разница была.

Модератор: Но не достигнуты цели.

Александр: И у меня есть еще один вопрос. Вопрос: поход «ткачей» один

из последних или один из первых?

Модератор: Катаров вы имеете в виду, альбигойцы, да, один из последних, когда можно убивать всех, там разберемся, кто католик. Альбигойцы да, это такой тоже страшненький был. Могу только сказать, в поддержку, может быть немножечко, вообще-то, цели не были достигнуты. Потому что одна из главных целей это была цель защитить паломников.

Александр: А Максим абсолютно правильно говорит о причинах – слишком много людей.

Модератор: Была еще одна причина, кстати, у Заборова она есть эта причина – это успокоить рыцарство.

Максим: Кстати, да.

Модератор: Ведь почему был на Русь поход в эту сторону, хотя у Фридриха был Папа, который боялся немцев и псов-рыцарей в Европе, он хотел канонизировать их.

Александр: Соответственно, когда этих причин не стало, походов не стало, стало мало народу, и рыцарство успокоилось. Вы знаете, очень многие историографы считают, что только перелом после четвертого крестового похода. Меня интересует, это речь об идеологическом кризисе?

Модератор: Вот, вот сейчас пра-

вильный вопрос.

Александр: Просто я так понял, речь о том, что сначала, придумали идеологию под решение экономических проблем, но потом она, в конце концов немножко своей жизнью начинает жить. В конце концов, насколько я понимаю тот же крестовый поход детей - это уже следствие нагнетания вот этой идеологии самой, то есть это уже не было чье-то желание. То есть это не было так прямо как бизнес, ничего личного.

Модератор: Александр правильно поставил вопрос — это кризис идеологии или тех целей, которые эта идеология ширмировала? И надо сказать, что да, Папа Римский не ожидал, что он окажется в достаточно обездоленной Европе, когда там до 300 тысяч, сразу Франция обезлюдела в течение непродолжительного времени на 300 тысяч человек. И конечно, экономически не предполагалось, цель была поставлена успокоить рыцарей, потому что они уже начинали агрессировать просто.

Модератор: Там полное обнищание.

Александр: Я так понимаю, что это из-за наследия, когда много наследников и какого-то сына, например, просто убивают. И не только. Например, четвертый крестовый поход, почему он был повернут против Византии? Потому что в Венеции был флот, у него есть политический конкурент греки в плане кораблей,

торговли, и они предоставили флот только при одном условии. Изначально этот поход планировался на Египет, а в итоге он был повернут на Византию. То есть цель похода, настоящая, она была достигнута, а идеологическая нет. Но там из четвертого крестового похода в основном выгоду получили только венецианцы, остальные были орудием.

Модератор: Крестовые походы нанесли колоссальный ущерб экономический и моральный, и духовный, и в плане еще кадров, как мы говорим, Европы. Они, конечно, такого не ожидали. Это следствие неправильной, слишком прагматичной и несколько циничной позиции. Но вы правильно подметили, что это кризис, в общем, идеологии и неожданного результата, который в итоге на них свалился. Совершенно, конечно, они к этому не были готовы. Хорошо.

Александр: Можно еще один вопрос? Как они этот кризис преодолели? Я так понимаю, что в какой-то момент Папа просто при поддержке светской власти добил ордена и на этом закончилось, но вообще надо спрашивать профессионалов, конечно.

Максим: В какой-то степени, я не занимаюсь крестовыми походами как таковыми, я занимался ими в контексте истории Византии, то есть меня интересовал только первый и третий и второй походы. Во-первых,

в какой-то степени окажется, что крестовые походы дискредитировали папство; и, во-вторых, правильная была тенденция уже тут подмечена, что папство их использовало не только в целях обогащения как материально, так и земель, но это борьба элит светской и духовной, то есть иными словами отправить светскую элиту за море.

Александр: Мне кажется, уместно ставить вопрос: насколько крестовые походы были неизбежны? И вот как раз то, что сейчас начали говорить о том, что крестовые походы стали такого своего рода клапаном, который выпустил пар, если можно провести аналогию.

Модератор: Я думаю, что в такой форме он не был неизбежным. Но

как-то очень необычное это было заявление на соборе, его, по-моему, никто особо не ожидал. Чем он был подготовлен в массах? Я не знаю. Хотя обычно то, что неизбежно, оно должно саккумулировать энергию вокруг, а политик выходит и спичку зажигает. Вот в плане идеологическом этого особо не было... А, ну, было, информационное поле – вся Европа была возмущена тем, как расправляются с паломниками на пути от Яффы в Иерусалим, это была очень конкретная пропагандистская кампания, как у нас сейчас там Украина или что-то, это, если хотите, было частью информационного пространства. Все обсуждали, какие поганые вот эти агаряне, которые уничтожают паломников, и это был информационный повод. В этом плане, конечно, можно сказать, что это было подготовлено. Но почему было так воспринято на ура? Там же вся площадь зашлась в восторге и упоении, Майдан можно сказать, тех лет сыграл свою роль. Но вот это был повод. Потому что и в речи своей Папа говорил о том, сколько мы будем терпеть оскорбления, уничтожение наших братьев, которые идут в святые места.

Александр: Тогда надо задать контрвопрос: а такой конец походов он был неизбежен или все-таки можно было создать христианские государства там, на святой земле, и удерживать их достаточно долго?

Максим: Во-первых, история не терпит сослагательных наклонений. Вопрос именно в том, если мы говорим о кризисах, тогда некуда было деваться, кризис был на 100 % не успешен.

Александр: Не было никаких других выходов или были или как?

Максим: Нет, но ты так, Саша, вопрос ставишь. Так можно очень долго гадать — были или нет. Может просто был человек, который вышел на площадь, из-за которого что-нибудь другое.

Модератор: Правильно, Александр нас хочет вернуть на самом деле к той теме: кризис жизни или кризис идей, кризис развития, а был ли он до этого? И подойти к такой теме: определены ли эти кризисы или что-

нибудь такое, что их делает необратимыми? Я хочу сказать, что тему так мы немножко заузили, постулиря тему данной дискуссии, мы хотели бы посмотреть с точки зрения кризиса именно идей или кризиса всетаки жизни, что-то такое экзистенциальное. И вот мы, поэтому сейчас по кругу проходим. И каждый говорит с того угла, но это очень интересно на самом деле, с которого у него есть опыт и знания. Пожалуйста.

Игорь: Мне кажется, что сейчас, безусловно, кризис идей есть. Единственное, что это не значит, что он там будет продолжаться бесконечно долго. Но в то же время очевидно, как мне кажется, сейчас такие 2 тенденции есть, я, конечно, говорю только за Россию, наверно, и за Западную Европу, Америку, о чем мы знаем, потому что говорить за все мировое сообщество нельзя. У нас сейчас очевидно, что отжила одна идея, но до сих пор как-то этот эффект не спадает, хотя уж, вроде, 25 лет практически прошло с тех пор, как Союз развалился. Но сейчас

какая-то, как мне представляется, у нас общая идея просто хорошей жизни что ли. Накопить, зарабатывать много денег, и Бог с ним, под какой эгидой. В Америке идея: продвижения демократии в мире, и она изживает себя, все больше чувствуется, что делается, потихоньку затихает, но, тем не менее, идей тоже на смену этой нет, только если она подспудно готовится. В Европе главное - это мультикультурализм, который вроде бы несколько лет назад дезавуировали. Скажем, Ангела Меркель признавала, что вот идея не вошла, что-то у нас не ассимилируется, но, тем не менее, они ее пробивают до сих пор, несмотря на официальный вроде бы откат. Они, вроде бы, все признали, но, тем не менее, продолжают это пробивать, то есть, когда читаешь, что английского полицейского уволили из полиции за то, что он, разгоняя чернокожих при погроме в Тоттенхэме, сказал: «Ты навсегда останешься нигером». И вот его за это уволили сразу. Мало ли что он сказал, когда вообще такие дела творятся. Люди находят время за этим следить, значит, они эту идею все равно еще из последних сил лелеют и хотят продвинуть, не взирая на то, какой ценой она им дастся, что там беспорядки, какие-то там радикальные или экстремистские банды, взрывы и т.д. Поэтому как сказать, такая фаза, по-моему, сейчас средняя. То есть, старые идеи еще все-таки далеко не выдохлись, то есть европейский мультикультурализм еще очень даже кусается, они до сих пор сохраняют силы, чтобы его распространить дальше (вот та же Украина), пытаются же как-то они, пусть странно и половинчато, но продвинуть свою идеологию в соседние страны. Но в то же время уже явные силы, как это сказать, наступательный порыв у этих идей утрачен, но они еще на полпути, наверное, своего полного выдыхания. Поэтому действительно, мне кажется, такой период очень даже воспринимается более всего как кризис идей, потому что старые, вроде как, отжили, новых еще совсем не чувствуешь.

Modepamop: Вопрос такой: вот эти то, что по-английски «offspring», есть ли какие-то ростки новых идей? По-являются ли они? Какие они могут быть и нужны ли они?

Игорь: Знаете, мне лично кажется, что пока какой-то поиск только идет, а реально происходит хватание за старое, и у нас, кстати, тоже – все это порыв к религии, особенно в ее официальной ипостаси, по-моему, это какой-то декаданс, то есть это какойто спиритизм, когда дворянство заниспиритизмом, мается a простой народ – простой религией. И вот этот возврат к религии он, кстати, и в Европе очень чувствуется в научных работах. Я вот читаю ПО тематике, скажем, про диалог цивилизаций, практически очень немновообще говорят 0 цивилизаций, все скатываются на диалог религий, что вот Западная Европа это христианство, а это все мусульмане Ближний Восток, и неважно им там иранцы, арабы, то есть у нас диалог религий. А то, что там вопрос вроде не о религиях, цивилизация западная она технократическая. Вот это очень быстро всегда забывается, и люди вроде ученых начинают дискутировать.

Модератор: Но новые какие-то ростки вы видите? Например, все говорят о новом технологическом укладе, который неизбежен, там пятый, шестой, седьмой, десятый. А будет этот технологический уклад вырабатывать какие-то свои идеологемы?

Игорь: Я на этот счет, пожалуй, не готов так полностью ответить. В общем, мне кажется, в среде какойто узкой, конечно, там что-то существует, люди отдают себе отчет, что все не сводится к религиям, что действительно технология диктует уже стиль жизни и, кстати, она диктует совершенно безотносительно к религиям, там, условно говоря, технологии они одни на всех, и там неважно мусульманин вы или нет. Но, так или иначе, мне кажется, раз какие-то очень маленькие, в массовом сознании их не увидишь.

Модератор: Понял, хорошо. Александр, пожалуйста.

Александр: Я со своей колокольни, конечно, далеко плюю. Мне близко то, что говорит Антон, но в совершенно другом направлении почемуто как всегда. Кризис действительно есть, и состоит он для Запада только, конечно, в том, что в свое время западная философия сделала ставку на главенство разума. Да, это 3 великие идеологии и их отцы: Гегель, Кант и Маркс. А закончилась ставка разума потрясающими вещами - она закончилась концлагерями. Потому что более разумной вещи, в том плане, что, если вы собираетесь уничтожать своих врагов разумно, то война предстает абсолютно неразумной – она случайна, она хаотична, она опасна. А концлагерь это фабрика, там идет абсолютно рациональный способ уничтожения ваших врагов. После того, как эти события случились, естественно все от разума отшатнулись и пошатнулись к мультикультурализму, который тоже далеко не ведет, но деваться некуда, потому что возвращаться к идее главенства разума невозможно. Это четкий предел. Как здесь быть, куда собственно деваться? Это большой вопрос. Если попытаться посмотреть на то, из чего западная цивилизация строилась, то это 2 вещи: христианство и греки. Причем, тут прозвучало слово «секулярный», секулярный не значит антирелигиозный, нельзя путать эти понятия. Европейцы абсосохранили религиозность, тот же опус «Дайон» действует и т.п. И естественно. способ попытаться найти выход из того кризиса, в котором мы существуем теперь, а это именно кризис пустоты. То, во, что мы верили до этого, привело нас в никуда, и теперь во что верить способ не ясно, ЭТО возвращения к корням. И мы это наблюдаем, те же американцы это потрясающий неоконсерватизм, это строго религиозное течение, это буквально религиозные фанатики, по крайней мере, они такими предстают для большинства населения в самих CIIIA.

Modepamop: Фанатики в плане приверженцы своей идеи?

Александр: Своей религии. На которой они играют и которую они требуют, вплоть до того, что они заявляют, что сама конституция была вдохновлена Господом, а ни в коем случае не написана людьми. В то же время возвращение к грекам оно происходит не так, как хотелось бы, потому что многое, что грекам было ясно, современным европейцам не ясно. Например, если говорить об ис-

тории, греки не знали истории, не было у них исторического чувства. Хотя, это опять же серьезный вопрос. Потом греки воспринимали прогресс, если воспринимали вообще, совершенно иначе – так, как западный человек никогда не сможет его воспринимать. Хотя, если вы примените греческое понимание прогресса к Западу, окажется, что мы очень быстро регрессируем. И идея прогресса у греков очень простая, если вы откроете Фукидида, в самом начале там будет написано: «Почему я пишу о Пелопонесской войне и не пишу о Троянской? Потому что масштаб войны стал больше». Прогресс измеряется масштабом войн, которые мы ведем. Чем масштабнее война, там больший шаг вперед мы сделали. Поэтому, если вы посмотрите на Вторую мировую войну и то, что происходит после нее, то сможете сказать, что все, что происходит после нее это регресс, потому что количество войн только уменьшается. И качество тоже. Количество участников, качество деградировало в количество, скажем так.

Modepamop: Можно уточнить, когда вы говорите греки, вы противопоставляете язычество?

Александр: Да, философия греческая, конечно, здесь не в смысле религии, потому что если взглянуть на философов, то для них-то религии уж точно не было. И этот кризис он серьезно обеспечен тем, что можно назвать последним человеком. Дело

в том, что торжество разума оно еще приводит к такой хорошей штуке, как развитая экономика, экономика потребления. А довольный жизнью человек, сытый человек, обеспеченный человек - это пустой человек, недвижущийся человек, человек застывший на месте. Кто доволен - тот мертв, по большому счету, это маленький человек. И когда вы говорите о крестовых походах и о том, как они обескровили Европу, я сразу понимаю, что так это же так замечательно, потому что столько же сразу места стало свободного, столько стало возможности для действий, и церковь ослабла по идее, и рыцари закончились, и настало новое время, фактически настало.

Модератор: Пришел более приятный буржуа?

Александр: Нет, ни в коем случае, а настало новое время для мыслителей, потому что гнет ослаб, церковь потеряла авторитет в связи с тем же последним крестовым походом. То есть этот кризис, который породил возможность нового витка развития. Кризис - это всегда возможность, он никогда не бывает последним. Ну, а если он последний, так надо радоваться, что же - все заканчивается, круг Сансары, если вы тут хотите это произнести, он разрывается в этот момент.

Modepamop: Но все-таки кризис идей, кризис жизни, насколько это в данный момент у нас сегодня опре-

деляет это ощущение? Что превалирует?

Александр: Давайте так. Предыдущие идеи, исполнение предыдущих идей привело к кризису жизни.

Модератор: Интересно.

Александр: И соответственно за собой этот кризис жизни потянул и кризис тех идей, которые эту жизнь воплощали. Сейчас у нас и кризис жизни, и кризис идей.

Modepamop: Значит, все-таки такая последовательность.

Александр: Идеи тянут за собой жизнь, кризис жизни тянет за собой кризис идей.

Modepamop: Их ложность, так напишем. Их ложность сказывается на деградации.

Александр: Я бы не говорил ложность, потому что в какой-то момент...

Модератор: Или скорей вот так.

Александр: Да, мы можем круг описывать простой. Я бы просто хотел отметить, что в какой-то момент и в этом, возможно, я вижу начало нового, начало нового витка, мы разделение между истинным и ложным, которое породило идею о главенстве разума, оно было или должно было быть или должно быть просто заменено разделением на малое и великое. Потому что истинного и ложного больше не существует. И

вот Антон, например, я думаю, он меня поддержит в этом, и французские постмодернисты...

Модератор: Малое и великое в каком: в нравственном измерении, в количественном, в качественном, в каком?

Александр: Давайте, мы скажем, в измерении добродетельности. Как мы будем измерять добродетеля это отдельный вопрос.

Модератор: Это достаточно.

Александр: Поэтому я ничего о нем не буду говорить.

Modepamop: Можно ли сказать так: если следовать вашей логике и представить себе некоторую заложенную в идее, вернее так, в жизни заклады-

вается определенная идея, если хотите, как генетическая, она развивается. И сначала ребенок растет, не всегда наследственные болячки родителей сказываются в раннем возрасте, скорее всего они проявляются позже, правда, но это уже от качества генетики, стало быть, от качества идей зависит. Некоторые идеи дали возможность где-то развиваться, и, может быть, дали толчок для какойто, они же оказываются генетически несовершенными или как хотите, зараженными даже в чем-то, как ставка на разум, на «рацио» она оказалась действительно, прямо скажем, не в состоянии, я с вами согласен, и привела к катастрофам, конечно. Но мы можем рассматривать так, что идея она как зерно такое падает в пространство жизненное, поэтому зависит его качество, и вот оно иногда дает такие плоды, искажает органику жизни.

Александр: Я думаю, что так происходит всегда, то есть мы не можем говорить о том, что идея есть такая, есть или возможно есть такая идея, которая не приведет к кризису. Это просто цикл жизни.

Modepamop: Помните известное хомяковское сравнение России с Западом, где он говорит, что западное мышление отличается тем, что если жизнь не соответствует идее, тем хуже для жизни, тогда жизнь корежится, постригается, Кириевский тоже его поддержал. Это было высказано достаточно четко, это когда Хомяков с папизмом полемизировал, Кириевский сравнивал пути просвещения, какие в России могут быть и какие на Западе, а идея органическая, Аполлон Григорьев тоже об этом говорил в «Органической критике», когда он громил Добролюбова совершенно правильно про его безумную статью «Луч света в бабьем царстве» - гнет он, говорит, читал бы лучше «Грозу» и лучше бы от текста шел, но в данном случае в нашем смысле это жизнь, а не придумывал свои социологические, социальные идеи и накладывал бы на бедную женщину, терроризировал своей критикой. И он, вообще-то, был прав. И речь идет о том, что вот противная, кстати, идущая от Византии традиция, это все-таки какая-то наполненная правдой жизнь, которая рождает идеи, то

есть не тем хуже для жизни, если у нее не остается идей, а тем хуже для идеи. Но есть такая антитеза или это не антитеза, скорее антиномия неизбежная для жизни?

Александр: Я бы сказал, что это большая ошибка, потому что это опять разделение на цивилизации и отделение нас в какую-то особую цивилизацию.

Модератор: Сейчас отвлечемся от того, что это именно славянофилы.

Александр: Просто есть ли такой вариант, что кто-то подравнивает идеи под жизнь, а кто-то жизнь пытается дотянуть до идеи?

Modepamop: Нет, скорее прислушаться к жизни, какими идеями она наполнена в таком органическом смысле.

Максим: Вы знаете, мне кажется, я подумал о том, что к наибольшей катастрофе вообще приводят генетически наоборот полные идеи, которые тянут за собой, как бы мы жизнь дотянем до нашей идеи, потому что это тоталитарные идеи, это идеи национал-социалистические. А идея она всегда должна подвергаться какомуто сомнению, она всегда должна обсуждаться. И в этом смысле она всегда должна быть кризисной. Но, тем не менее, она должна в некотором роде быть целостной, то есть сложиться, завоевать чьи-то умы и дальше уже обсуждаться и превалировать или наоборот проигрывать на политических, исторических декорациях. Мне кажется, что просто кризис современности в том, что действительно какие-то, постмодернистское расщепление полностью захватило современность, и идеи просто сами себя дискредитировали.

Александр: Да, у меня как раз вопрос к Антону в этом смысле. Они же больше не вернутся, правда, Антон, идеи?

Антон: То есть мы как-то преодолеем постмодернизм?

Александр: Да, но он настал не просто так, и сказать, что в какой-то момент вернется идеализм, но это уже невозможно.

Игорь: И в то же время это возвращение к корням, оно уже кажется неполноценным.

Modepamop: Повторить прошлое невозможно, конечно.

Игорь: Причем абсолютно, знаете, в данном случае парадоксально, что западноевропейское общество, культура они всегда, сейчас в какой-то степени надсмехаются, не знаю, не хочу терроризировать национальную сферу, но что вот дескать, оно впереди, а вот скажем, ислам позади у них, они там все жаждут «золотой век» из-за этого терроризма и все такое. Там, безусловно, это есть и в более радикальном исполнении. Но, собственно говоря, в другой форме это происходит и у нас, и в Западной Европе. Мы там возвращаемся к пра-

вославию, европейцы говорят о христианстве. Про США я вообще не знаю, там религия, не знаю, уходила оттуда или нет, по-моему, суперрелигиозное государство.

Александр: У них гражданской религии нет. Я тоже хочу Игоря поправить как политолог. Наше возвращение к христианству - это сугубо попытка найти новую советскую идеологию в рамках того, что есть.

Модератор: В секулярном обществе, наоборот, там ярким цветом всякие начинают религиозные представления цвести, там веры нет, а религиозность как **BOT** такая постмодернистская фрагментарность. Как представляем мы религию или веру, там веры нет, а религиозность там, действительно вот сразу, как на дрожжах, причем очень интересный феномен абсолютно. Действительно секулярное общество очень религиозно на самом деле, насыщенно религиозно, это следствие апостасии, а апостасия это типа прохладная вера, но не имеет отношения к религиозности, религиозность - это нечто другое. Мы все время путаем понятие веры и религиозности. И у нас в России так – мы все время путаем внешний прикид православный, религиозность как часть секулярного созна-**КИН** самом на деле, интеллигенция, это вообще модно, красиво, схожу в храм, потом всем расскажу, что я пощусь. А веры в этом никакой нет на самом деле. В этом вот такая есть в стиле наброшенная одежда. Пожалуйста.

Амир: Мне кажется, вообще, если рассматривать идею развития, то это непосредственно связано с таким понятием как кризис идей, это революция. То есть, когда нет идей, когда идет какой-то поиск, это этап революции. Можно рассматривать идею с точки зрения такой структуры, идея - это структура. Когда появляется какая-то новая сила, она должна структурироваться. Если посмотреть ХХ век, особенно начало века, это кризис между 2 войнами, то есть такое, поиск чего-то нового. И можно вообще проследить на протяжении ХХ века, вот было сказано то, что идет возврат к чему-то традиционному, поиск чего-то нового через традиционное. Если мы посмотрим, допустим, такое явление как хиппи, это ведь тоже поиск чего-то нового через старое, то есть возвращение к чему-то старому, отказ от каких-то традиционных религий. И если развить эту идею дальше, насчет революции и посмотреть, у нас сейчас общество, многие считают, информационное, и сейчас нет какой-то четкой культурной самоидентификации с появлением интернета, например, то есть фактически мы имеем доступ через интернет к разным культурным слоям. И, собственно, если смотреть на события в Египте, то есть когда революция уже устраивается через социальные сети, через Фейсбук, это говорит о том, что если брать, допустим, синергетические подходы, то, что эта структура общества она изменяется более качественно. Можно ввести такое понятие как экспансия структуры, то есть когда идея начинает выходить в массы. Если посмотреть все мировые религии, все они экспансируются, и в итоге какой-то кризис порождает какие-то новые идеи. И мне кажется, одним из инструментов в новом веке информационном являются, как раз, дистанционные технологии, которые помогут преодолеть кризис. То есть даже сейчас мы видим то, что вокруг нас появляются какие-то новые устройства, гаджеты, которые дают доступ к информации всей, а что такое информация – это фактически общемировое культурное наследие, то есть культурное наследие можно брать в более узком аспекте, то есть какие-то произведения искусства, но фактически что нас окружает, это культурное наследие, так или иначе, вопрос в том, насколько оно полезно. И с этой точки зрения, мне кажется, то, что вот сейчас актуальная ситуация это поиск средств, наверно.

Модератор: А давайте сделаем так — вы у нас еще не выступали, вы ремарку сделали, мы потом вернемся к этой теме. Сейчас мы пройдемся по кругу.

Нурлан: Обратите внимание на такой момент: мы сейчас говорили о кризисе, и в нашем представлении кризис присущ всем народам и странам. А я бы хотел сделать акцент на том, что в одной стране сразу проживает много поколений. Я сторонник идеи теории поколений – то, что у каждого поколения своя идеология, своя система ценностей. К тому же Россия, как и Латинская Америка, - это общество с «горячей политической культурой», пользуясь политологическим определением, - где не до конца определились правила ведения политики. Общество не договорилось о векторах развития, - нас с одной стороны тянет в царское прошлое, - мы говорили о «золотом веке», уверенности в том, что раньше было лучше. Это как-то совмещается с ностальгией по Советскому Союзу, а еще одна часть нашего общества уверена в правильности западных либеральных ценностей. В результате получается полная

окрошка. А если посмотреть на носителей этой идеологии, то в принципе можно четко проследить то, что у поколения 20-летних одна идеология, у поколения, которому сейчас, допустим, 40 лет, другая. В соответствии с «теорией поколений», есть четко выраженный рубеж смены поколений 25 лет. Мы как раз затрагивали такую тему, когда же появится новая идеология? Мне кажется, у нашего поколения миллениум, когда оно войдет в активную фазу, лет через 5, тогда стоит ждать новые идеи, они будут, конечно, связаны с техническим прогрессом, но всем при этом наше поколение оно очень стремится к индивидуализму и самовыражению. Вернемся к революции в арабском мире. Кто делал эту революцию? Ее делало «поколение миллениум» - молодые ребята, которым сейчас от 20 до 26 лет. Стоит учесть: в Египте доля таких молодых людей примерно 50 % и это рождает очень большую социальную напряженность. Поэтому, мне кажется, имеет смысл говорить о понятии кризиса именно в понимании какого-то определенного поколения. Потому что для понимания одного поколения советские годы, сталинские, 38-й год был кризисом, а другое поколение (так называемое «молчаливое»), считает, что это было время порядка период, на который пришлась их молодость. А для нашего поколения это уже не образец, никакой не «золотой век». И таких векторов очень много, они разные и при том, что ситуация в России на первый взгляд идеологическая кажется хаотичной, можно выделить идеологические векторы, которые привязаны к различным поколениям, проживающим в России в данное время.

Modepamop: То есть надо ожидать, что через 25 лет следующее поколение придумает свой «золотой век», оно будет надеяться, что он будет лучше, чем то, что было до того, но гарантии, что так все будет оптимистично, тоже ведь нет.

Часть 2

Елизавета: Я выступаю последней в «нашем круге» и первой во втором этапе нашей беседы. Но я скажу поэтически, коротко и, наверно, выпаду

немножко из вашей мужской логики, скажу по-женски. На самом деле я думаю, что кризис идей, вообще развития перед человечеством, как вот, по-моему, Саша сказал о том, что кризис любой преодолим, правильно, и он рождает что-то новое. Думаю, что для современного человечества кризис -это такое очень относительное понятие, и он часто сопряжен с каким-то прогрессом. Мне кажется, что как раз сейчас у человечества есть проблема в кризисе идей гуманитарного развития, в значении гу-

манного, если можно эти слова немножко друг с другом сопрячь в данном контексте, близко поставить, и нет направленности. А при отсутствии направленности изменения не накапливаются, то есть то, что мы с вами собираем, мы быстро очень теряем, и как-то это все рассеивается, и поэтому процесс развития он происходит неоднородно, и происходит ли вообще – неизвестно. И напомню знаменитое хайдеггеровское «забвение бытия», конечно, оно наступило. И мне кажется, что самая большая проблема в том, что нет веры, у человечества нет веры в идеалы, в само бытие. Потому что любой прогресс опять же он сопрягается с понятием и представлением о совершенствовании некотором. И соответственно у нас нет представления об идеалах, нет веры в них. Поэтому точка.

Модератор: Хорошо. Понятно. Давайте, у нас второй раунд будет короче, чем первый. Мы такой может, немножко блиц построим. Спасибо, интересно все выслушать. Прогресс ведь как термин, как идея это порождение новейшего времени. Раньшето, в общем, идеи прогресса как таковой не было, это эпоха Просвещения, до этого вообще все иначе было. Если она родилась, скорее даже может с термином «Европа». Термин «Европа» это, если брать Западную Европу, это XVII век начало, через 50 лет это пришло, даже позже конец XVII века, через 50 лет это докатилось до Восточной Европы. И

интересно это описание Шанюк, как эта идея продвигалась европейская собственно, понятие «Европы» как оно меняло понятие «христианский мир», на смену которому оно пришло. И вот тогда-то и зародилась идея прогресса. Мой вопрос очень простой, потому что мы иначе никак не подойдем к сердцевине, мне кажется, о которой, кстати, мудро нам поведала Елизавета Михайловна. Прогресс понимался, если в представлениях человечества до того, если не брать только, может быть, представление действительно там больше война или меньше, прогресс оценивался с 2 разных ракур-Для Новейшего Времени COB. прогресс - это именно изменение внешнее в лучшую сторону, изменение социального бытия, то есть среды, это то, что мы ощущаем во внешнем мире. До этого, так скажем, христианский мир, который был не человекоцентричен, а Христоцентричен, если брать антологический аспект, то прогресс был абсолютно лишен совершенно любой внешней ориентации. И был бессмысленным, если не преображал человека; идея была именно не в изменении человека, его психологических модуляции, которыми так увлекались весь XX век, конец XIX, весь XX век, вот этот весь психологизм в ущерб антологии. Тогда он очень понимался онтологически, человек должен преображаться изнутри. И прогресс, поэтому в том понимании как развитие внешних сил, техники, всего, что составляет наши внешние признаки, нашу цивилизацию, что вообще в большинстве, а вовсе не во всех умах, как и не во всех сегодня мы находим адептов прогресса внешнего мира, как чего-то реально прогрессивного в позитивном смысле, так и тогда, всегда есть, слава богу, во всех эпохах зазор, когда люди думают не так. Так вот, для нашего времени будет ли смена вот этого внутреннего понимания идеи прогресса. Ведь, когда мы говорим о возвращении к корням, это очень иногда сомнительно: человек стоит как подсвечник, а у него ничего нет за душой, но ему нужно появиться со своей свечой, и они и называются подсвечниками. Так вот вопрос о гораздо более глубинном понимании вот этих двух, если хотите, контрапунктов - прогресс это внешнее развитие человечества или прогресс это все-таки преображение человека внутри, не биомеханизмами всякими, идеи, как вектора, как направления к какому-то идеалу? Давайте пойдем, давайте с этой теперь стороны. Александр тогда. Но учтите, что каждому не более чем 5 минут. Короче можно, длиннее нельзя.

Нурлан: Мне кажется, эти понятия неразрывно связаны, потому что первое вытекает из второго.

Modepamop: А вот какое еще вытекает? Что еще вытекает?

Нурлан: Я думаю, что внутренний

прогресс рождает внешний. Раз мы разделили прогресс внешний и внутренний, тогда нам, наверно, дется говорить о том, что никакого внутреннего прогресса не существует, а налицо внутренний регресс. А внешний прогресс он нормально вроде двигается куда-то, вроде идет, вот нам новые технологии обещают, но обещают и обещают. По большому счету, я представляю позицию такую консервативную, которая считает, что человеческая природа неизменна, а если она изменна, то при попытке ее изменить мы, как раз, потеряем то, что делает нас людьми, давайте так это назовем, и собственно перестанем ими быть. Но на больших промежутках времени можно сказать, что прогресса нет, есть какая-то такая кривая, которая держится вокруг общей оси природы человека. Иногда эта кривая падает вниз, как сейчас, иногда, резко поднимается вверх, но в целом, конечно, это регресс.

Модератор: Понятно, пожалуйста.

Максим: Я согласен с Нурланом, что на самом деле внешнее без внутреннего не бывает, любая великая цивилизация, которые нам известны, так или иначе, отмечались какими-то внешними — в Египте пирамиды, у персов архитектура, искусство всегда процветают в той или иной форме, это может быть, конечно, что-нибудь маленькое, какие-то виды прикладного искусства, могут быть гигантские проекты. Как в искусстве — не

бывает каких-то новых произведений искусства, если за этим не стоит какой-то идеи, например, скачок искусства на заре Советского Союза, когда, казалось бы, искусство должно было быть сведено к какому-то плакату, соцреализм, тем не менее, был, потому что за этим действительно стояла идея, вера в какое-то светлое будущее и т.д. Это вкратце. А так, в общем, конечно, Саша прав, что человеческая природа, так или иначе, одна и, конечно, пытаться изменить, но это, наверно, интересно и вот про то, что Фукуяма, что всех людей генетически как-то переделывать, но действительно это уже будет тогда разговор не о человеке, о его там кризисе идей или жизни, а о чем-то новом. Но лично я могу только сказать, что всякие там идеи, что вот человечество изменится, потому что будет модернизировано, это очень далекая фантастика, если вообще возможно, потому что чисто технически не существует пока такой возможности. Население Земли где-то там 7 миллиардов оценивают, а Фукуяма Япония и даже США это, США 300, а Япония сколько там еще миллионов, то есть, грубо говоря, нельзя выбросить просто остальных за борт, они будут все равно есть, а сейчас они еще и влиять. То есть, если раньше там Ближний Восток не мог особо влиять на жизнь в Европе, то есть влиял, как уже крестовые походы обсуждали, то сейчас еще больше, сейчас эти миграции невероятные и идейное давление, потому что западная культура стала позволять на себя так давить, вносить свои привычки, быт, религии, все подряд к себе и еще даже пытаться это защищать чужую культуру. Поэтому о том, возможно ли технически изменить человека, мне кажется, что-то невероятное.

Modepamop: Я, может быть, не совсем четко сформулировал, но в принципе, конечно, нельзя себе представить, чтобы внутренне человек то, что мы говорим, не проявлялся както вовне, и это не реализовывалось в каком-то его творчестве, в какой-то оболочке внешней, в которой этот внутренний человек себя проявляет, и не только в искусстве, в быту даже, каждый человек как-то свой быт устраивает по своему. Нет, я не это имел в виду. Я имел в виду именно вопрос в акценте, именно первичное и вторичное. Потому что, когда Александр правильно говорил о трагедии, на мой взгляд, современного Запада, не только, кстати, Запада, эта ставка на разум, которая была сделана, это тоже ведь вопрос акцентировки разума, и здесь: либо мы во главу угла ставим внешнее развитие цивилизации, тот же технический прогресс, биологический, какой угодно, и в этом видим прогресс, либо все-таки мы позиционируем человека. Ведь смотрите, если от внутреннего мира человека зависит внешнее, то например, то, о чем Достоевский говорил правильно в «Братьях Карамазовых»: если бы человек менялся и преображался, то внешний вид нашей цивилизации был бы совершенно другой, мы представить даже не можем себе. Мы видим ту цивилизацию, какую мы видим, то есть это то, что нам в реальности дано в ощущениях. Но, грубо говоря, пафос Достоевского был в том, что новая тварь, как говорится, новый человек, если бы он осветлялся, преображался, то и вся бы внешняя наша цивилизация выглядела бы иначе. Поэтому я сейчас не говорю об этих акцентах. Возможно ли в нашу эпоху, чтобы изменился BOT ЭТОТ акцент, преобладающий вектор, что нам нужно внешнее, что мы полетим на Луну завтра, на Марс, вот нам нужны лазерные технологии заменить этими, этими и т.д., и в этом видеть, это не плохо, никто не говорит, что это плохо или хорошо, как в свое время один из древних, великий византиец говорил: «Нельзя обвинять вино в пьянстве, а меч в убийстве». Я вот сейчас об этом. Но давайте продолжим. Антон.

Антон: Мне вообще кажется, что технический прогресс он может быть следствием только духовного прогресса отдельных личностей, что так вот просто все это совмещать не стоит. То есть сейчас существуют люди, которые изобретают технологии, это серьезные ученые, и люди, которые потребляют. Количество людей, которые потребляют плоды цивилизации, их все больше, больше

и больше. Количество людей, которые изобретают и вкладывают в это творческую энергию, их все меньше, меньше и меньше.

Модератор: Интересно.

Антон: Вы знаете, что даже так на-«Силиконовая зываемая долина» сейчас, в общем-то, испытывает некоторый кадровый кризис. А вообще мне все это на массовом уровне представляется такими сообщающимися сосудами. И наша западная цивилизация она сейчас делает явную ставку на технический прогресс, и соответственно параллельно уменьшается духовность, потому что человек, когда, он, допустим, хочет заняться духовными делами, он уходит в монастырь, он сводит технический прогресс к минимуму

Модератор: Но это крайний случай.

Антон: Да, я просто иллюстрирую. Что касается технического преобразования человека, то конечно, все это хорошо и технология сама по себе, это прекрасно. И всё же сейчас, я повторю свою мысль, с которой я начал, нет нормальной рефлексии над тем, к чему это все приведет. Наука не контролируема на идейном уровне. Она потеряла свой безусловный авторитет, который у неё был несколько веков назад, создав в прошлом веке абсолютно антигуманные вещи, но при этом продолжает создавать новые технологии и насыщать ими планету. И вопрос «как мы можем все это преодолеть» это во-

прос Александра, который он мне задавал, как можно преодолеть это расщепление сознания, этот постмодернизм... Мне кажется, что для этого нам надо в некоторой степени забыть XX век.

Модератор: Пожалуйста, Максим.

Максим: Я на самом деле в какой-то степени согласен и с Нурланом, и с Антоном. Но, во-первых, то, что внутренний прогресс идет через внешний, и тут мне кажется, характерный пример это Петр I, я понимаю, что в эпоху преобразований были предпосылки и государственного масштаба, но, тем не менее, если бы он бы как-то через себя не переосмыслил и не начал действовать, то таких бы громадных реформ в том бы периоде не было. Ну, и без-

условно, я считаю, что технический прогресс умаляет в какой-то степени духовное. Тут можно сделать ссылку на того же самого Петра I, когда сплошная секуляризация, порча нравов, безусловно, была налицо.

Модератор: Спасибо. Пожалуйста.

Модератор: Спасибо. Елизавета Михайловна, вам как председателю какие-то реплики, замечания. Минуту каждому могу дать. Елизавета Михайловна, у вас целых 5 минут.

Елизавета: Спасибо, попробую уложиться. Вообще я выписала перед сегодняшней нашей встречей фразу Константина Леонтьева о том, что: «Вера в прогресс должна быть пессимистичной». Мне почему-то кажется, что подводя итог сказанному,

она будет вполне красивым завершением.

Modepamop: Боюсь, что вы правы. Спасибо, во-первых, большое. Было очень интересно и с точки зрения интеллектуальной, человеческой послушать. Сейчас, когда вы обменивались репликами, я не претендую на то, чтобы подводить итог, но у меня такая миссия, я должен. Я хочу сказать, что если мы скажем, что отнимем такое внутреннее присущее человеку свойство искать истину, то мы ему оставим только бронштейновскую идею движения. Когда Медведев, например, будучи в ранге Президента, говорил: «Россия, вперед!», то были критические возгласы и замечания: «Куда? В пропасть?» Вопрос в том, что движение вперед, назад, вбок, влево, вправо это само по себе, к сожалению, мало понимаем это, потому что, иногда вот это вегетативное состояние личности человека подменяет у него другие какие-то свойства, которые составляют собственно его человеческую суть, потому что движется все, и божья коровка движется. И я думаю, что чем ниже по организации, тем больше суть вот этого движения, она характеризует ту или иную особь. Видимо, это что-то такое заложено в человеке совершенно необъяснимое, и все равно поиск истины будет продолжаться. Поделюсь своими впечатлениями, потому что я же повидал разные эпохи. Я, например, считаю, что горбачевское время тоже своеобразная эпоха, это уже не советское время, бывает такая стадия эрозии, когда уже это не назовешь, или там какая-то машина, ты уже видишь, у нее там отваливается все, и машиной- то уже не назовешь, не катится. Поэтому я это считаю, что это какаято подэпоха, ладно, но уже отличающаяся. Хрущевская эпоха, я ее в очень юном возрасте застал, она отличается от брежневской, но их можно еще сопоставить, равно как и Черненко, все до Горбачева. А потом 90-е годы совсем уже все. А потом Путин это уже другое нулевые годы. Но можно сказать, что, конечно, все равно Лигачев прав – вот эта идеологическая растерянность она ощущалась поколениями людей, как такая внутренняя трагедия. Вот потери идеалов, в которые верили отцы наши, деды. Да, это был шок, это был абсолютный шок для тех, кто родился в это время. И для них это все было очень тяжело. Я не являюсь адептом советского времени, конечно, считаю, что все это было построено на песке, да и на кровавом песке еще к тому же, поэтому это и не уцелело. Но в основе этой лежало то, что действительно там в этой идее это общество превратилось в культ. Почему боролись так с церковью? Почему там под корень все рубилось? Потому что боролись с конкурирующим культом, с конкурирующей верой. Это была религия, по сути дела, а особенно безличностного, да. И поэтому трудность на-

шего времени, да, и удивительно, что одновременно параллельно все эти божки большие или маленькие, в западном мире их было много, как вы знаете, они сменяли друг друга, тоже кровавые были и всякие разные. Сексуальная революция тоже своего рода божок, который был поставлен как кумир для молодежи или там любые другие революции и «-измы», все эти «измы», они были такими божками, очень напоминают новоязычество, например, такое многобожие. И Запад своим расщепленным разумом, о чем говорил Александр, он всему этому дань отдал. А среди всего этого многобожия сильным в какой-то период казался такой божок, который строил концлагеря, и это очень закономерно. Это интересно в индийском эпосе, например, даже замечательно, вот тоже борцы за истину, у них же 2 бога там, 2 божества, одно божество злое, другое доброе, а в итоге развитие индуизма добрый подчинился злому, и они молятся сейчас злому, потому что он сильнее. Так и тут – любое такое многобожие оно приводит в итоге, что поклоняться начинают божку, не который добрый, потому что чего его задабривать, зачем? Задабривать надо злого, чтобы он тебе зло не причинил. Так индусы и объясняют, говорят – а зачем, какой нам смысл поклоняться доброму божеству, когда мы от него только доброе и получаем. Но язычество все на этом построено. Византия, Рим, если брать тот период, там же брали в плен бога другого человека и начинали ему поклоняться, потому что в этом регионе этот бог был божеством, ему поклонялись. Он равно такой же, какой был в Риме, он был всюду, где бы они ни шли, они поклонялись, как Александр Македонский, кстати, то же самое. С него и началось. Он приходил к персидским богам, а им начинают поклоняться. Они взяли, уничтожили там всех, взяли, вывозили к себе и продолжали поклоняться. И поэтому пантеон этих разрастался. Но это интересно, что среди этих языческих божков все время индуистский принцип сохранялся, вот то, о чем тот божок, который в итоге создал концлагеря. Кстати, мне очень понравилась эта идея, что, в общем-то, да, безусловно, к этому все и шло, зачем войны, когда можно концлагеря построить - это правда, мы это обязательно сохраним, кстати, да, пусть наши дипломаты читают, это действительно так. Что касается возвращения к корням... Я не претендую на то, что там интерполировать это на какое-то, но я вот, например, меня это во многом раздражает, а почему? Вот эта профанация обращения к корням внешним, потому что люди не чувствуют, вот эта идея подсвечников, они не понимают, что это такое, они не ощущают, они этим не живут. Добросовестный, так сказать, атеист он лучше в этом плане вот этого прикида, игры в веру и прочего, веришь – это я уважаю, человек не верующий – я уважаю, это его, собственно можно верить в то, что бог есть и можно верить в то, что его

нет, это две веры на самом деле, это не атеизм, это другой теизм. А у нас, к сожалению, это именно, как вы говорите, такое возвращение даже не к корням, а к корешкам. А как можно к корням вернуться? Вот это, в общем, как? Взять ствол и на корни его намотать. Нет, так не бывает. Что существует, что есть в мире собственно ни католическая традиция, надо сказать, ни протестантская, ни тем более православная, как более древняя, они своих людей, которые верят и которые не теряли это как стволовое, не отрывались собственно от корней, живет только то, что никогда не отрывалось, вот этого я могу уважать. в Апокалипсисе и в толкованиях византийских авторов приход, скажем, Антихриста и апокалипсиса - это приход в мир полной анархии, когда все разрушится царство, будут взаимные избиения, войны, когда власть будет полностью дискредитирована всякая. Обратите внимание, последние номера «Вопросов философии», сколько там было статей, посвященных анархизму? За последнее время столько я и не видел. Анархизм вдруг как идея вырвался вперед. Анархисты очень популярные сейчас в Европе. Причем они, это не наши Бакунин и Кропоткин, для них это культовые личности для многих, они очень прагматичные, без особого такого. Анархизм тоже имеет свой идеалистический такой флёр свобода там и прочее. Но они очень активны, и анархизм все больше и больше становится популярен среди молодежи и на Западе и не только, кстати, на Западе. И вот интересно, разуверившись во всем, задал вопрос хорошо Фридман в журнале, помните в дискуссии: «А что после капитализма?», он все перебрал, все возможные варианты, дискредитирующие себя сосовмещение, циально, скандинавский путь, все-все. И вдруг он уперся в анархизм, и сказал, Фридман уперся в анархизм – это нетипично, товарищи, для Фридмана, никак нетипично. А он уперся в анархизм и вот тут он стал разводить руками и говорить – я не знаю, а вполне возможно. И вот я-то боюсь, я не собираюсь выглядеть каким-то пророком, но мне кажется, что при вот этом кризисе идей, при вот этом непонимании, ощущении идеологического тупика, идейного, может, как раз, разочарование и во всех государственных носителях, ведь всетаки носителем каждого «изма» была какая-то власть, согласитесь, иначе бы они оставались в энциклопедиях и в философских словарях. А вот был социализм был Сталин, это, был нацизм- был такой-то и такой-то, ни один из этих «измов», в общем-то, не существовал сам в безвоздушном пространстве, он опирался, даже философия, здесь правильно говори-Канта Гегеля, лось. привели каким-то последствиям, я уж не говорю о Ницше, Шопенгауэре, знаем, куда это привело. Получается так, что каждый «изм» дискредитировал,

разрушаясь. Но чума получается не на 2 дома, а чума уже на все понятие и понимание власти как таковой. А тогда что как следствие? Как следствие это да, действительно анарприобретает хизм какие-то симпатичные такие формы, потому что анархизм еще в принципе нигде не торжествовал, если, конечно, не брать батьку Махно и то относительно очень, батька тоже потом одумался слегка. Так вот, в плане государственного устройства анархизм может быть в каких-нибудь пле-«нямбу-пумбу» менах существовал. А поскольку он не дискредитирован никакой властью, то анархизм представляет из себя действительно привлекательную идею. Мне кажется, дай бог, чтобы я ошибался, мне кажется, что он все больше-больше будет привлекать к себе особенно молодых. А что касается человека, то человек разочаровавшийся, испробовав все разумные средства, он все-таки будет искать нечто действительно не человекооткровенное, а богооткровенное, но только действительно искать, а не натыкаться на эту псевдорозовую водичку религиозности всякой там и прочее. То есть он понимает, что мир может быть неодномерен и может быть не связан только с человеческим фактором, что есть какие-то другие планы, антологии более широкие, более расширяющие смыслы. Система не терпит смыслов – это гениально сказано, что любая система она не терпит смыслов. И не нуждается и не терпит. Вот от краха систем могут начаться проявляться какие-то смыслы. Потому что он уже не будет справляться с этим смыслоубийством каждый раз, расстреливать их из всех пулеметов, автоматов, и может быть, мы к чему-то и придем. Почему мы так все время надеемся на себя, что мы все что-то выработаем? Может быть как раз, я не говорю, что к нам инопланетяне прилетят с капиталом нового формата, нет, а вот именно в человеке есть какой-то такой порыв к истине. И я все-таки думаю, что мы где-то к этому можем подойти, либо возобладает, как мне кажется, вот эта тяга к анархизму. Потому что, посмотрите, уже сейчас более циничного отношения к власти, вот они все вроде там любят своих этих президентов и премьеров, но это абсолютно, сами знаете, не так. У вас сейчас уже не ученичество, вы уже молодые ученые. От вас многое зависит на самом деле, как мы будем дальше жить, и от вашей такой устремленности к истине как раз. И мне было сегодня прекрасно, что ни в одном из вас я не услышал манифест релятивизма. Каждый все-таки отстаивал свою точку зрения, отстаивал интересно. Спасибо!

Редакция журнала "Международная жизнь" Главный редактор **Армен Оганесян** Руководитель электронного издания: **Валентина Злобина** Дизайн: **Максим Ковшенков**

Фото: **Иннокентий Марышев** Выпускающий редактор: **Елизавета Антонова**

Адрес в интернете: http://www.interaffairs.ru, электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14 Телефон: +7 (499) 265-37-81 Факс: +7 (499) 265-37-71